

DOI: 10.17976/jpps/2017.05.02

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНА ЛИ ВТОРАЯ ПОПЫТКА?

В.В. Петухов

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич, кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН. Для связи с автором: petuhovvv@mail.ru

Петухов В.В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? — Polis. Политические исследования. 2017. № 5. С. 8-23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.02>

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант №14-28-00218). Эмпирическую базу составили данные мониторинговых исследований ИС РАН 2013-2017 гг. “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этно-религиозном контекстах” по общероссийской выборке (N = 4000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Привлекались также результаты исследований других социологических центров.

Статья поступила в редакцию: 21.06.2017. Принята к печати: 12.07.2017

Аннотация. Опираясь на результаты мониторинговых исследований Института социологии РАН, автор анализирует перспективы демократизации общественно-политической жизни страны с точки зрения наличия или отсутствия на нее общественного запроса. Автор подчеркивает, что сценарий демократической эволюции российского общества — лишь один из возможных, наряду с другими сценариями его политической трансформации. В пользу реализуемости такого сценария говорит наметившийся перелом в общественных настроениях, связанный с актуализацией потребности перемен в экономической и политической жизни страны после многих лет ориентации большей части общества на стабильность. К тому же в массовом сознании россиян отсутствует какая-либо вытесненная ценностная и институциональная альтернатива демократизации — несмотря на скептические оценки населением (в значительной его части) результатов первой попытки демократизации страны в 1990-е годы. В статье акцентируется внимание на ряде специфических особенностей восприятия россиянами демократии, во многом отличных от традиционных доктринальных ее интерпретаций. Это восприятие характеризуется, например, доминированием персоналистского дискурса над институциональным. Тем не менее автор не считает возможным и целесообразным конструировать какую-то особую российскую модель демократии. Подробно анализируя факторы, как благоприятствующие демократизации общественно-политической жизни, так и препятствующие ей, автор делает вывод, что на нынешнем этапе, в отличие от “демократической революции” рубежа 1980-1990-х годов, демократизация будет представлять собой процесс изменений, пролонгированный во времени и осуществляемый под давлением гражданского общества. Ориентирами этих преобразований должны стать: во-первых, формирование механизма перевода многообразных индивидуальных и групповых (прежде всего экономических) интересов на язык общезначимых проблем, и во-вторых, расширение пространства свободы для их реализации.

Ключевые слова: демократия; демократизация; демократические ценности; общество равных возможностей; политические институты; меритократия; политическое участие; гражданская активность.

Для большинства наблюдателей, анализирующих характер и направленность российского политического процесса последних лет, очевиден факт выпадения из сферы общественного внимания проблемы состояния и пер-

спектив российской демократии. Это не в последнюю очередь связано с тем, что в условиях кризиса, нарастания внешних и внутренних угроз (реальных или мнимых) большинство россиян довольно продолжительное время соглашались с целесообразностью проведения экономических, социальных и политических преобразований в стране в режиме “ручного управления”. А также с тем, что с демократией на этот период можно повременить. Значительная часть экспертного сообщества также не склонна прогнозировать серьезных изменений в характере и институциональной природе существующего в России политического режима. Это, в частности, выяснилось в ходе опроса ведущих российских политологов, социологов, экономистов, проведенного Институтом социологии РАН летом 2016 г. [“Повестка дня”... 2017: 350-353].

Безусловно, на умонастроения многих россиян, включая значительную часть элит, заметное влияние оказала критика, а зачастую и целенаправленная дискредитация некоторыми экспертами, политиками и медиа демократических ценностей, якобы извне навязанных России и противоречащих ее “национальному коду” [Филатов 2009: 114-115].

Однако с конца прошлого года ситуация стала меняться. Многолетний тренд на стабильность, на сохранение в неизменном виде сложившейся в иной политико-экономической реальности системы социальных и политических институтов, начал смещаться в сторону формирования запроса на перемены. Как показывают последние опросы ИС РАН (апрель – май 2017 г.), в настоящее время многие россияне уже не так категоричны в своих установках на статус-кво, как это имело место еще несколько лет назад (см. рис. 1). Так, число тех, кто полагает, что страна нуждается в существенных переменах, политических и экономических реформах, выросла за последние пять лет на 16 процентных пунктов и достигла к весне 2017 г. максимальных за последние годы значений – 44%, а в некоторых группах и слоях превысила половину всех опрошенных. В частности, среди молодежи в возрасте 18-30 лет число сторонников перемен составляет 55 против 45% ориентированных на статус-кво. А это значит, кроме всего прочего, постепенное преодоление страхов перед будущим, которое до недавнего времени воспринималось многими как некий конгломерат не очень понятных и потому пугающих угроз.

Но тождествен ли запрос на перемены столь значительного числа россиян запросу на демократизацию общественно-политической жизни? Ведь все мы хорошо помним, что первая попытка демократизации рубежа 1980-1990-х годов провалилась во многом из-за того, что так и не получила широкой общественной поддержки, хотя стремление к переменам тогда было практически всеобщим.

А как дела обстоят сегодня? Нужна ли нынешнему поколению россиян демократия, и если нужна, то какая? Без прояснения этих вопросов невозможно понять перспективы дальнейшего развития страны. Тем более, что сценарий демократической ее эволюции – лишь один из возможных, наряду с другими сценариями политической трансформации российского общества [Петухов 2016].

Однозначно ответить на эти вопросы довольно сложно, учитывая, во-первых, принципиально разное отношение наших сограждан к демократии как идее разумной организации общественной жизни и ее практическому воплощению в нашем отечестве, и, во-вторых, тот факт, что россияне вкладывают в данное понятие смысл, заметно отличающийся от ее доктринальных интерпретаций. И это также важно, поскольку массовая рефлексия зачастую позволяет выявлять некоторые важные нюансы данного феномена, иногда ускользающие из локуса внимания научного и экспертного сообщества.

Рисунок 1 (Figure 1)

10 Что касается практической стороны дела, то нет необходимости фиксировать внимание на констатации многократно эмпирически подтвержденного факта критичного (если не сказать неприязненного) отношения большинства россиян к сложившейся в 1990-е годы модели российской демократии. Возможно, это происходит по причине того, что они к ее становлению имели весьма опосредованное отношение. Что же касается правящего класса, политических и предпринимательских элит, то они изначально рассматривали (и продолжают рассматривать) демократию и ее институты, с одной стороны, в качестве важного с имиджевой точки зрения *антуража* политико-экономической системы, а с другой, как существенное *обременение* рыночной трансформации страны. Такой подход элит к демократии известный американский социолог А. Пшеворски еще в начале 1990-х годов охарактеризовал как “авторитарный соблазн”, порождаемый нетерпением быстро осуществить преобразования “любой ценой, даже ценой демократии” [Przeworski 1991: 187]. Сегодня этот соблазн выражается в несколько иных формах, но системно не преодолен.

Все это, естественно, не проходит незамеченным обществом. Опросы показывают, что россияне не только критично настроены в отношении существующей политико-экономической системы, именуемой демократической, но и осторожны в своих оценках ближайших ее перспектив. Как видно из нижеприведенных данных, весьма вероятной демократизацию общественно-политической жизни уже в ближайшие годы считают 27% опрошенных россиян. Примерно на том же уровне (от 28 до 34%) оцениваются другие слагаемые возможной демократической эволюции: повышение уровня доверия к власти, рост социальной активности граждан и межличностного доверия. В то же время большая часть респондентов (на уровне 41-42%) такого развития событий в принципе не исключают,

но считают его маловероятным. А еще для 8-13% опрошенных демократическая эволюция страны представляется совершенно нереальной (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

**Оценки россиянами перспектив демократизации
общественно-политической жизни, повышения уровня доверия к власти,
роста социальной активности граждан и межличностного доверия, 2016 г., %**
*Estimates by Russians of the Prospects in the Coming Years of Democratization
of Public and Political Life, Increase in the Level of Trust in Government,
Growth of Social Activity of Citizens and Interpersonal Trust, 2016, per cent*

	Практически невозможно	Мало- вероятно	Весьма вероятно	Затруднились ответить
Демократизация общественно-политической жизни, расширение прав и свобод граждан	9	43	27	21
Повышение уровня доверия к власти, рост ее авторитета среди народа	13	43	28	15
Рост социальной активности граждан, желания влиять на власть, изменять окружающую действительность	8	42	30	20
Рост доверия между людьми, склонности к сотрудничеству и взаимопомощи	8	41	34	17

Любопытно, что у некоторых наших восточноевропейских соседей, имевших гораздо более благоприятные экономические и политические условия для демократического транзита, тем не менее, в последние годы стали проявляться весьма похожие по вектору развития процессы. Наиболее характерна в этом отношении Венгрия, являющаяся, как известно, членом НАТО и Евросоюза. Как отмечает известный венгерский социолог Я. Корнай, страна постепенно отворачивается от всего того, что было достигнуто в период смены государственного строя в 1989-1990 гг., а именно — от демократии, верховенства права, свободного функционирования гражданского общества, плюрализма в интеллектуальной жизни [Корнай 2015]. Аналогичные тенденции начинают просматриваться и в Польше.

В странах развитых западных демократий наблюдатели также с тревогой замечают нарастающее раздражение элит и значительного числа населения, вызываемое неэффективностью функционирования многих демократических институтов. Так, американские политологи Р.С. Фоа и Я. Мунк отмечают, что американские граждане сегодня не просто недовольны деятельностью властей; они становятся более критичными в отношении либеральной демократии как таковой [Фоа, Мунк 2017: 5-16]. Эти авторы, в частности, приводят данные социологических опросов в США, согласно которым 46% американских респондентов в октябре 2016 г. сообщили, что они либо “никогда не имели”, либо имели, но “потеряли” веру в американскую демократию. Наиболее выражены эти настроения у молодежи¹.

¹ Persily N., Cohen J. 2016. Americans are Losing Faith in Democracy – and in Each Other. – *Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/americans-are-losing-faith-in-democracy--and-in-each-other/2016/10/14/b35234ea-90c6-11e6-9c52-0b10449e33c4_story.html?utm_term=.9a519c806a36 (accessed 05.08.2017).

Безусловно, кризисные явления в западных демократиях не могут служить индульгенцией действий российских или венгерских элит по свертыванию ряда демократических прав и свобод, по выхолащиванию деятельности таких институтов, как выборы, парламент и некоторых других. Просто надо отдавать себе отчет в том, что Россия, так же как упомянутые страны Восточной и Центральной Европы, вступила на путь демократизации тогда, когда народам, идущим по нему многие десятилетия и даже столетия, он уже не кажется безальтернативным. Иначе говоря, события последних лет в самых разных странах опровергают устоявшееся мнение, согласно которому становление демократии – это линейный процесс восхождения от низших, неразвитых ее форм, к высшим, законченным, олицетворяемым политическим порядком западных стран. А заодно – и широко тиражируемый в последние годы миф, согласно которому Россия, в силу специфической особенности менталитета ее граждан, несовместима с демократией.

Вместе с тем, несмотря на скептическое отношение большей части населения страны к российской версии демократии, исследования нашего института фиксируют отсутствие в массовом сознании россиян какой-либо внятной ценностной и институциональной альтернативы демократии как принципу политического устройства. В немалой степени это связано с тем, что продвигаемый в последние годы властвующими элитами консервативный дискурс ничего другого, кроме идеи великодержавного величия России (действительно импонирующей очень многим), предложить гражданам постсоветской России не смог.

Так, в самый пик “крымской эйфории” (сентябрь 2014 г.) и резкого роста рейтинга президента В.В. Путина, что свидетельствовало, по мнению некоторых наблюдателей, о всплеске авторитарных настроений в обществе, на прямой вопрос: “Нужна ли России демократия?” 62% россиян, по данным Левада-Центра, дали положительный ответ и только 24% – отрицательный². Опрос другого известного социологического центра, Фонда общественного мнения, проведенный в это же время, выявил аналогичный настрой россиян. Здесь на вопрос: “А лично Вам важно или неважно чтобы в России была демократия?”, 63% ответили утвердительно и 16% – отрицательно³. По существу эти показатели идентичны.

Известный социолог А. Левинсон, однако, считает, что подобного рода ответы респондентов нельзя толковать буквально. Призывая различать нормы, которые всегда поддерживаются какими-либо санкциями морального и правового характера, и ценности, выступающие скорее мировоззренческими маяками, он сравнивает респондентов с учениками, которые на экзамене дают ответ правильный, но ни к чему их не обязывающий⁴. Безусловно, отчасти так и есть, но сам факт, что респонденты именно эти ответы сочли правильными, дорогого стоит. Важно и то, что их нельзя считать навязанными, поскольку на момент проведения опроса украинский кризис напрямую связывался с издержками демократии, причем не только и не столько украинской...

Неслучайно, когда через год в ходе опроса Левада-Центра речь зашла о том, какая именно модель демократии созвучна интересам россиян, то выяснилось,

² Нужна ли России демократия? Данные опроса граждан РФ от 28.10. – *Левада-Центр*. 28.10.2014. Доступ: <http://www.levada.ru/2014/10/28/nuzhna-li-rossii-demokratiya> (проверено 05.08.2017).

³ “ФОМнибус”. 2014. Представления о демократии. Нужна ли демократия в России? И есть ли она в нашей стране? Данные опроса граждан РФ от 21.09. – *ФОМ*. Доступ: <http://fom.ru/TSennosti/11741> (проверено 05.08.2017).

⁴ Левинсон А. Ценности без норм. – Цит. по Грозовский Б. 2016. Выйти один раз на площадь – это ничего не даст. Что принесет в Россию перемены? – *Republic*. 05.06.2017 Доступ: <https://republic.ru/posts/83622> (проверено 10.08.2017).

что западная модель (такая как в США и Европе) нашим согражданам не импонирует. За ее аналог в России высказалось лишь 16% опрошенных (в 2011 г. – 19%)⁵. И это понятно, учитывая общий тренд роста антизападных настроений. За реанимацию “социалистической демократии”, как в СССР, также высказалось сравнительно небольшое число наших сограждан – 19%. Большинство же (46%) полагают, что России необходима “совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике страны демократия” (см. рис 2).

Рисунок 2 (Figure 2)

Мнения россиян о типе демократии, который необходим России, 2011 и 2015 гг., %
Opinions of Russians on the Type of Democracy That Russia Needs, 2011 and 2015, per cent

Что представляет эта особая в “русских цветах” демократия, остается не вполне очевидным не только многим россиянам, но и экспертам. Некоторые из них считают, что речь идет о российской версии “нелиберальной демократии”, в которой могут ужиться как демократические, так и недемократические методы осуществления власти [Красин 2009: 182]. Представляется, однако, что эта модель – скорее мечта правящей элиты, которая приписывает собственные желания обществу. Россияне же, в массе своей, судя по результатам наших многочисленных исследований, имеют иные приоритеты, которые далеки от дихотомии “демократия – авторитаризм”. На вопрос о том, что необходимо для того, чтобы можно было бы считать политический режим демократическим, были получены следующие ответы (три первые позиции): 1. Равенство всех граждан перед законом; 2. Небольшая разница в уровне доходов людей; 3. Свободные выборы органов власти (опрос ИС РАН октябрь 2016 г.). Эти приоритеты близки и гражданам США, хотя и в несколько иной конфигурации и с иными акцентами⁶.

⁵ Российская демократия. Данные опроса граждан РФ от 20-23.11.2015 – Левада-Центр. 14.01.2016. Доступ: <https://www.levada.ru/2016/01/14/rossijskaya-demokratiya/> (проверено 05.08.2017).

⁶ 1. Выборы должны быть свободными и справедливыми. 2. Гражданские права должны защищать свободу людей. 3. Активное участие граждан должно влиять на власть с целью заставить ее работать на благо общества и защиту гражданских прав. Подробнее об этом см. [Фоа, Мунк 2017].

Проводимые сравнения носят скорее иллюстративный характер, поскольку в каждой стране исследования проводились с разным набором рассматриваемых показателей и по разной выборке и методике. Как видим, в российской версии присутствует социально-экономическая компонента и отсутствует показатель политического участия. Точнее, он есть, но занимает далеко не лидирующие позиции. В России, таким образом, *видение демократии обществом в большей степени коррелирует с ценностью справедливости в правовом и социальных аспектах*. Наши сограждане не устраивает ее формат, локализованный исключительно сферой публичной политики и выборных процедур, когда вне ее досягаемости оказывается сфера экономики и рынка труда.

В данном случае речь идет даже не столько о легальных возможностях трудящихся отстаивать свои социальные и трудовые права и интересы любыми законными способами, сколько о важности наличия в обществе демократических противовесов капиталистической экспансии, а также механизмов уравнивания шансов на самореализацию разных групп и слоев общества. Иначе говоря, россияне (впрочем, как и граждан многих других стран) привлекает модель “социальной демократии”, “*демократии равных возможностей*”. Именно во взрывном росте экономического и социального неравенства последних нескольких десятилетий, по мнению В. Пастухова, лежит стратегическая первопричина значительной части тех злокачественных социальных и политических процессов, которые разлагают в настоящее время ткань “старого миропорядка”. Высокий уровень неравенства делает невозможным стабильное существование демократии, так как приводит к вымыванию ее основы — среднего класса. Социальные лифты в обществе перестают работать, быстро восстанавливается его сословная структура, а правящая верхушка превращается в закрытый клуб по интересам [Пастухов 2017].

Неслучайно именно выход демократии за “флажки” сферы политики, ее “социализация”, многим исследователям (в частности, И. Валлерстайну) представляется одним из важнейших условий преодоления того кризиса, в котором она оказалась. Этот выход он видит в реализации трех специфических требований, выдвигаемых повсюду в мире: больше возможностей для образования, лучшие условия для охраны здоровья и повышение средних доходов [Валлерстайн 2004: 136]. Примерно об этом же пишет Е. Ясин. Анализируя отличия либерализма от демократии, он отмечает, что либерализм как идейное течение ставит выше других ценность свободы, в то время как демократия на определенном этапе может предпочесть равенство и справедливость, создавая при этом все возможности для самореализации тем, кто предпочитает свободу [Ясин 2012: 12].

Иначе говоря, демократия как социальная практика чрезвычайно контекстна. И для сегодняшнего этапа ее развития нет важнее задачи минимизации разнообразных неравенств, включая возможности самореализации и политического выбора. Для нашей страны это особенно актуально, поскольку становление российского капитализма, как справедливо отмечает В. Кувалдин, с самого начала не было пронизано пафосом демократического освобождения, который сопровождал его становление во многих странах Европы и Америки. Он не смог создать даже привлекательной идеологической упаковки — ни “равенства возможностей”, ни “социального государства”, ни “общества всеобщего благоденствия” [Кувалдин 2010: 20].

Между тем корреляция между уровнем благосостояния населения и принятием ценностей демократии — давно не новость для исследователей.

Многочисленные опросы показывают, что самые высокие показатели доверия демократическим институтам фиксируются в скандинавских странах, где на практике реализован концепт “социального государства” и где от него не собираются отказываться, во всяком случае, пока. Там же, где его начали демонтировать якобы в целях повышения эффективности экономики (а это имеет место в большинстве стран континентальной Европы), неизбежно происходил сдвиг общественных настроений в пользу ультраправых и ультралевых партий и движений. Это еще раз доказывает, что *демократия — “пакетная” ценность, она востребуется обществом, в том числе и российским, прежде всего в качестве механизма реализации общего блага и одновременно как некий маркер, фиксирующий уровень благополучия (неблагополучия) общества.* Причем это благополучие отнюдь не сводится только к “толщине кошелька” его граждан. Большое значение имеют также уровень их правовой защищенности, наличие независимого судопроизводства и даже позиционирование России в мире, фактор, вроде бы не имеющий прямого отношения к состоянию демократии. Вследствие этого отношение к ней чрезвычайно подвижно и изменчиво. Это тоже одна из примет российского массового сознания. Так, в 2012 г. после парламентских и президентских выборов, оставивших у многих россиян неприятное послевкусие, лишь 38% опрошенных (по данным ИС РАН) сочли Россию демократической страной. Однако спустя три года, на волне крымской эйфории в конце 2014 г., уже большинство россиян (56%) охарактеризовали нашу страну как вполне демократическую.

Результат ли это роста патриотического воодушевления, когда все отечественное начинает восприниматься, как и в советские времена, в качестве самого передового и прогрессивного? Отчасти да. Усилия властей по возрождению величия России оказались весьма эффективными. Можно спорить о цене этого величия, но неоспоримым фактом является эмпирически подтвержденный рост гордости россиян за свою страну. Так, в начале 2015 г. позитивные чувства к своей стране (уважение, гордость, любовь), по данным наших исследований, испытывали 67% россиян против 13% испытывавших стыд, обиду, возмущение.

Но эта эйфория, как известно, продолжалась недолго. Кризис внес существенные коррективы в общественные настроения и ожидания. К концу 2016 г. опросы вновь стали фиксировать, как видно из данных, приведенных в табл. 2, рост негативных настроений в отношении ключевых сфер общественной жизни, включая сферу функционирования демократических институтов. И понятно почему. Любому обществу необходима пусть небольшая, но постоянная положительная динамика, поддерживающая социальный оптимизм и надежду на лучшие времена. В течение довольно долгого времени основания для такого оптимизма, пусть и осторожного, были. Но к осени 2016 г. на фоне снижения уровня и качества жизни оптимизм россиян заметно поубавился.

Таким образом, *россияне чрезвычайно чувствительны к контекстным аспектам функционирования демократии и отдают предпочтение такой политической системе, которая бы помогала им хорошо жить и хорошо зарабатывать.*

Следующей национальной особенностью российского массового сознания является доминирование в нем *персоналистского дискурса над институциональным.* Это выражается в *крайне скептическом отношении большинства россиян к институтам парламентской демократии (многопартийной системе, палатам Федерального собрания) при сохранении довольно позитивного отношения к институту выборов.* Так, за последние 10 лет уровень доверия политическим партиям ни разу не превысил показатель четверти опрошенных,

а Государственной Думе и Совету Федерации – трети, в то время как институт выборов считают важным элементом легитимации власти большинство граждан страны (свыше 70%). Причем в позитивном отношении к нему есть существенная доля “меритократического” компонента. Косвенным подтверждением этого является снижение явки на федеральных и региональных выборах последних лет. Это явный сигнал властям, что функция отбора во власть в ходе выборов если не лучших, то хотя бы отчасти репрезентирующих основные группы и слои общества представителей за последнее десятилетие оказалась практически полностью атрофированной. Действия парламента и особенно отдельных его представителей в публичной сфере, сам факт попадания некоторых “народных избранников” в высший законодательный орган страны подрывает веру избирателей в компетентность власти в целом. Показатели доверия (а точнее, недоверия) к исполнительной, судебной ветвям власти, за исключением президента, также отчетливо об этом свидетельствуют.

Таблица 2 (Table 2)

Оценки россиянами изменений в разных сферах жизни страны за 2014-2016 гг., %
Estimates by Russians of Changes in Different Spheres of Life in the Country, 2014-2016, per cent

	Октябрь 2014	Октябрь 2016
Состояние экономики страны в целом		
Улучшалось	46	13
Не изменялось	30	26
Ухудшалось	24	61
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии		
Улучшалась	21	12
Не изменялась	61	63
Ухудшалась	18	25
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура)		
Улучшалась	25	12
Не изменялась	41	40
Ухудшалась	34	48

Компетентность, по мнению многих россиян, – это важное, но не единственное качество, которым должны обладать народные избранники, другие представители власти. В их иерархии, как показал опрос весны 2016 г., лидирующие позиции заняли честность, порядочность, близость к народу, образованность, наличие опыта работы на производстве, в бизнесе или на госслужбе. Таким образом, многие россияне, похоже, до сих пор уверены, что эффективность деятельности власти в значительной мере определяется соотношением в ней “хороших” и “плохих” людей, и что главная задача демократических процедур (прежде всего выборных) – увеличить число первых и сократить число вторых. Если это не получается, то задачу следует упростить и правильно распорядиться своим голосом на самых главных выборах – выборах главы государства, делегировав ему право формировать органы власти в центре и на местах.

В этом отношении Россия, безусловно, ближе не к Западу, а к Востоку, в частности, к Китаю, в котором меритократические настроения, судя по результатам исследований китайских социологов, чрезвычайно сильны. Это выражается,

например, в согласии каждого второго китайского студента (т.е. наиболее продвинутой и образованной части общества) со следующими утверждениями: “талантливые и способные люди должны иметь больший вес при принятии важных политических решений, чем обычные люди”; “сильный лидер дает людям больше уверенности, чем хорошие институты” [Пенг Лу 2014: 268-272].

Отмечая в этом вопросе сходство России и Китая, одновременно нельзя не видеть и существенные различия между ними. Главным образом, они состоят в том, что китайская версия “капитализма без демократии” имеет совершенно иную природу по сравнению не только с либеральными демократиями Запада, но и с российским гибридным политическим режимом. Китай не пытается себя позиционировать в качестве демократической страны и в этом смысле не нуждается в соответствующей легитимации в виде конкурентных выборов, межпартийной борьбы, разделения властей, реализации гражданских и политических прав жителей страны и т.п.

Тогда как в нашей стране запрос на твердую персонифицированную власть в лице ее президента сочетается с востребованностью разнообразных свобод — таких, например, как свобода передвижения (включая свободу выезда за рубеж), независимое судопроизводство, свобода предпринимательства и вероисповедования, право на участие в мирных акциях протеста (демонстрациях, митингах, забастовках) и т.д. Их важными, в том числе и для себя лично, считают свыше 70% россиян. Причем в массовом сознании актуальность этих свобод имеет другую (отчасти противоположную запросу на сильную власть) природу. Даже в существенно урезанном виде они являются некой гарантией реализации личных жизненных стратегий граждан без оглядки на государство. Стремление многих россиян свести общение с властями к минимуму сегодня является такой же приметой времени, как и делегирование ответственности за происходящее в стране главе государства.

Наконец, еще одна отличительная особенность российского менталитета заключается в том, что демократия не является ценностью первого ряда, отношение к ней носит характер “отложенного спроса”. Пока, как уже отмечалось, большинство наших сограждан не видят в окружающей их реальности предпосылок для демократизации общественно-политической жизни в ближайшей перспективе. Одновременно с этим они не могут не думать о будущем страны, в которой предстоит жить их детям и внукам. И это будущее они связывают в большинстве своем (63% от числа всех опрошенных) с такой организацией общественной жизни, которая обеспечивает права человека, свободу самовыражения личности, т.е. с демократией. С режимом личной власти, ориентированным на порядок, единство страны и ее суверенитет, связывают это будущее заметно меньшее число россиян (36%). Причем в группе респондентов с 18 до 30 лет сторонники демократической альтернативы для России составляют уже 71%. Также эти установки в большей степени характерны для благополучной в материальном отношении части общества и для жителей крупных городов, т.е. для городского среднего класса.

В целом же можно констатировать, что эволюция политического режима в нашей стране еще далека от завершения, и в такой стране, как Россия, она всегда вариативна. Но если оценивать вероятность реализуемости того или иного проекта с точки зрения его поддержки обществом, то демократический проект, судя по результатам исследований, на эту поддержку может рассчитывать все же в большей степени, чем авторитарно-мобилизационный. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, тем, что, несмотря на попытки “реабилитации сталинизма”, многие наши сограждане осознают, какой политический режим может стать альтернативой пусть несовершенной, но демократической системе⁷. В разного рода прогностических конструктах этот фактор либо не учитывается, либо интерпретируется неверно. В частности, не находит эмпирического подтверждения стереотип о якобы неубывающей ностальгии россиян по советской системе. Опыт жизни россиян при советской власти и после нее позволяет многим из них взвешивать достоинства и недостатки разных политических систем и форм правления (скажем, сталинского режима и нынешнего, при всех его издержках и противоречиях). Соответственно, вариант реставрации “советской демократии” считают желаемым, а главное — реализуемым в совершенно иных социально-экономических и политических реалиях — лишь 19% россиян. Не следует также забывать, что по некоторым оценкам сегодня уже треть имеющих право голоса в России родились после развала СССР, и для них Советский Союз — далекое прошлое, о котором они имеют довольно смутное представление.

Обратная ситуация имеет место во многих странах развитых демократий. Например, в США демократия существует уже столетия и практически никогда не сталкивалась с серьезной угрозой ее существованию. В этом многие исследователи видят одну из причин снижения от поколения к поколению уровня поддержки гражданами США ее ценностей и институтов. Возможно, это не единственная и даже не самая главная причина указанной тенденции, но наличие “усталости” Запада от сформировавшейся в совершенно иных исторических условиях и практически неизменной на протяжении десятков лет политической системы очевидна. У России же пресыщения демократией явно не наблюдается, и в этом смысле Россия находится в противофазе с Западом. Для многих граждан Европы и Америки демократия — скорее воспоминание о “золотом веке” 1950–1980-х годов, когда она обеспечивала синхронизацию экономического и политического развития, в то время как для России — будущее (хотя и не вполне очевидное).

Во-вторых, важно принять во внимание институциональный кризис в сфере функционирования традиционных политических структур (парламента, партий, профсоюзов). Приметой времени, например, стали участвовавшие отказы граждан, отстаивающих своих экономические и политические права и интересы, от посреднических услуг в лице профсоюзов и политических партий. Это объективно обуславливает необходимость развития многообразных форм того, что принято именовать “демократией участия”. Особенно — в ситуации, когда государство по тем или иным причинам не может (или не хочет) отвечать на социальные запросы различных групп и слоев, а некоторые традиционные общественные формирования либо уstraняются от подобного рода деятельности, либо не пользуются широкой общественной поддержкой.

Отмеченный институциональный кризис, таким образом, до некоторой степени выступает триггером роста гражданского активизма (хотя иногда и вынужденного), появления и развития новых гражданских инициатив, го-

⁷ Так, отвечая на вопрос: “Какой период в истории нашей страны в наибольшей степени соответствует Вашим представлениям о том, какой должна быть Россия?”, лишь 7% (опрос ИС РАН марта 2016 г.) назвали довоенный период советской власти (для сравнения, 19% таковыми сочли период “брежневского застоя” и 2000-е годы). Таким образом, наши сограждане вполне отчетливо разводят роль Сталина как руководителя страны, победившей в самой страшной войне отечественной истории, и сталинщину как репрессивный политический режим, совершенно непригодный для России ни в прошлом, ни в будущем.

ризонтальных коммуникационных связей и т.п. В этом же контексте следует рассматривать сокращение ресурсной базы федеральных властей, что ограничивает возможности “ручного управления” и, напротив, ведет к усилению политической конкуренции на региональном и муниципальном уровнях. В этих условиях наличие пусть формальных, находящихся в “замороженном” виде демократических институтов, представляется чрезвычайно важным. Сам факт их существования сохраняет возможность для реализации гражданами своих политических и гражданских прав в тот момент, когда они это сочтут необходимым, и в тех формах, которые они сочтут нужными. Например, в течение долгих лет “спящие институты” местного самоуправления вдруг в некоторых регионах страны, прежде всего в Москве и Московской области, оказались востребованы гражданами. И вполне возможно, что ближайшие муниципальные выборы в столице, других регионах страны станут более конкурентными и политически значимыми, чем прошлогодние парламентские выборы. Делегируя, таким образом, управленческие и политические функции “наверх”, прежде всего президенту, многие россияне демонстрируют сегодня сравнительно высокий уровень заинтересованного участия в решении тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но в еще большей степени — готовности к этому в будущем.

В-третьих, появление значимого сегмента людей, сменивших на фоне роста доходов в 2000-е годы стратегию пассивной адаптации к новым реалиям на активное освоение новых возможностей в повседневных жизненных практиках. Этот слой начинает формировать свою систему представлений и о перспективах развития России, и о базовых принципах социальной справедливости, и о современном видении политической демократии. Речь идет о так наз. *самодостаточных россиянах*, ядро которых составляет городской средний класс. Они уже не нуждаются в государственной опеке или просто не верят в ее эффективность, в том числе и потому, что на фоне кризиса “опекунские” возможности государства заметно сократились. Среди этой “самодостаточной” части населения (численность которой весной 2017 г. впервые за многие годы наблюдений приблизилась к половине всех опрошенных), в которой представлены самые разные слои и группы населения — от предпринимателей до врачей и учителей, от чиновников до квалифицированных рабочих — почти 70% ориентированы на демократический вектор развития России.

Доля одобряющих деятельность президента В. Путина в этой группе респондентов достаточно велика и сопоставима с показателями одобрения среди населения страны в целом. И это вполне закономерно, поскольку “самодостаточность” вовсе не предполагает противопоставления себя государству. Здесь важно другое. Их лояльность власти, как и у многих других россиян, проявляется в основном в ценностно-нормативном дискурсе — в отношении россиян к государству, к президенту, к позиционированию России в мире и т.п., т.е. там, где нет прямого соприкосновения с реалиями повседневной жизни. Когда же речь заходит о жизненных установках и реализуемых на их основе практиках, то выясняется, что число россиян, имеющих высокий уровень жизненных притязаний и стремящихся их активно добиваться, постепенно растет и уже заметно превосходит число тех, кто избегает труднореализуемых целей, рассчитывая, прежде всего, на “патронаж” государства. Сегодня соотношение между указанными альтернативными жизненными ориентирами находится в диапазоне 59-64% против 36-41% (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Динамика ценностных суждений в отношении альтернативных типов социализации, %
Dynamics of Value Judgments Regarding Alternative Types of Socialization, per cent

Суждения	Март 2015	Март 2016	Май 2017
Смогут сами обеспечить себя и свою семью	44	48	50
Без поддержки со стороны государства семье не выжить	56	52	50
Главное – это инициатива, предприимчивость	57	57	59
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	43	43	41
Нужно активно бороться за свои интересы и права	56	58	60
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	44	42	40
Личные интересы – это главное для человека	59	60	64
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	41	40	36

В то же время опросы показывают, что декларируемый активизм и инициативность многих россиян (в том числе и представителей “среднего сословия”) далеко не всегда трансформируются в реальное политическое участие, уровень которого пока остается низким. Чуть выше уровень социального, неполитического участия (волонтерство, благотворительность, разнообразие движения “одного требования” и т.д.) [Петухов, Петухов 2015].

В большинстве же случаев активность “крепко стоящих на ногах граждан” проявляется в основном в защите своих утилитарных групповых или личных интересов. Однако новые кризисные реалии заметно меняют эту ситуацию, ускоряя осознание россиянами, во-первых, взаимосвязи между уровнем и качеством жизни и наличием или отсутствием политических свобод, и, во-вторых, того, что участие без представительства неэффективно.

Отмечая факторы, благоприятствующие демократической перспективе страны, автор далек от прожектерства и понимает, что она отнюдь не предрешена. В том числе и потому, что потребность в демократии должна быть актуализирована не только обществом, но и элитами, экономическими и политическими. А этого пока не наблюдается. Да и спрос общества на политическую демократию не слишком велик. Постсоветская Россия также не вполне соответствует такому важному критерию любого демократически организованного общества, как наличие возможности смены власти в ходе свободных и конкурентных выборов. Но при всей важности выборов общество должно “упражняться” в демократии каждый день, а не раз в четыре или шесть лет. Тем более, что большинство прав и свобод, которыми обладает нынешнее поколение, россиянам были фактически дарованы еще в перестроечные времена и, соответственно, навыков систематической борьбы за их утверждение у многих до сих пор нет, – даже тогда, когда некоторые из этих прав постепенно “изымаются из оборота” или профанируются (например, право на забастовку в случае нарушения социально-трудовых прав граждан).

Поэтому демократическая альтернатива, скорее всего, будет возникать по ходу борьбы за социальные и гражданские права граждан, в процессе политизации социальных требований, без чего в принципе невозможно формирование механизма перевода многообразных индивидуальных и груп-

повых (прежде всего, экономических) интересов на язык общезначимых проблем. А поскольку для его формирования необходима соответствующая институциональная среда, вполне вероятным представляется появление уже в ближайшее время новых форм и практик политического представительства и участия, а также существенная переконфигурация многих уже имеющихся.

Как справедливо отмечает известный итальянский политолог Надя Урбинати, демократия является процессом перманентной секуляризации политики, если учесть, что всегда возникают новые точки зрения, которые претендуют на то, чтобы стать истиной или более верной ее интерпретацией. Ценность демократического процесса состоит в необходимости его постоянно поддерживать — вот политическая задача, которую никак нельзя считать приземленной и ничтожной [Урбинати 2016: 433-434].

В целом же можно с определенной долей уверенности констатировать, что в отличие от “демократической революции” рубежа 1980-1990-х годов, вожди которой считали возможным и целесообразным демократизировать страну через опрокидывание режима, “демократизация—2.0” будет представлять собой (во всяком случае на это хочется надеяться) пролонгированный во времени и осуществляемый под давлением гражданского общества процесс и институциональных изменений, и изменения сознания граждан. И процессы эти уже начались. В частности, значительная часть общества вновь начинает обретать веру в свою способность влиять на происходящее в стране. Соответственно, меняется качество гражданского участия. Оно становится более осмысленным, социально мотивированным и для многих совершенно бескорыстным. Это заметный шаг вперед, учитывая, что частная жизнь граждан и публичная сфера еще недавно никак не соприкасались, а политическая и общественная деятельность, не сулившая материальных или карьерных выгод, рассматривалась многими россиянами (прежде всего активистской, “продвинутой” частью населения) как сугубо маргинальная.

Итак, судя по результатам последних исследований ИС РАН, других социологических центров, российское общество имеет некоторые специфические особенности восприятия демократии, связанные главным образом с обстоятельствами времени и места. Тем не менее конструирование какой-то особой чисто российской модели демократии вряд ли возможно и целесообразно. Более перспективной, особенно с учетом тех вызовов, с которыми сталкивается современная Россия и с которыми государство в одиночку уже не справляется, представляется задача расширения пространства свободы для индивидуальной и общественной самореализации. Понятно, игра предстоит вдолгую. Но на фоне тех изменений, которые уже происходят в стране, реализация этой задачи не представляется невыполнимой.

Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М.: Логос. 368 с.
Корнай Я. 2015. *Венгрия: разворот на 180 градусов*. — *Rigas Laiks*. Русское издание. Осень. Доступ: <https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/vengriya-razvorot-na-180-gradusov-16674> (проверено 10.08.2017).

Красин Ю.А. 2009. *Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты*. М.: Институт социологии РАН. 496 с.

Кувалдин В. 2010. Введение: второе пришествие капитализма в Россию. — *Россия — 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития*. М.: Логос. С. 13-24.

Пастухов В. 2017. Революция неравенства. На смену правой волне придет глобальное социальное государство. — *Republic*. 07.02. Доступ: <https://republic.ru/posts/79392> (проверено 10.08.2017).

Пенг Лу. 2014. Поддержка демократии среди поколения периода перехода Китая к рынку: исследование студентов и выпускников элитных китайских университетов. — *Россия и Китай: молодежь XXI века*. М.: Новый хронограф. С. 288-312.

Петухов В.В. 2016. Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 8-24. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.02>

Петухов В.В., Петухов Р.В. 2015. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 25-48. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>

“Повестка дня” современной России и видение ее перспектив ведущими экспертами страны. 2017. — *Российское общество и вызовы времени. Книга пятая*. Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир. С. 332-360.

Урбинати Н. 2016. *Искаженная демократия. Мнение, истина и народ*. Издательство института Гайдара. М.: 448 с.

Филатов Н.Н. 2009. Детерминирующая функция критики демократии. — *Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 9. № 3. С. 113-116.

Фoa P.C., Munk Я. 2017. Опасность деконсолидации: демократический раскол. — *Контрапункт. Журнал о политике и обществе*. № 7. С. 1-11. Доступ: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2017/04/foa_mounk_counterpoint7.pdf (проверено 05.08.2017).

Ясин Е. 2012. *Приживется ли демократия в России*. М.: Фонд “Либеральная миссия”; Новое литературное обозрение. 864 с.

Foa R.S., Mounk Y. 2017. The Signs of Deconsolidation. — *Journal of Democracy*. Vol. 28. No. 1. P. 5-15.

Przeworski A. 1991. *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America (Studies in Rationality and Social Change)*. Cambridge: Cambridge University Press. 228 p.

DOI: [10.17976/jpps/2017.05.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.02)

DEMOCRATIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY: IS SECOND ATTEMPT POSSIBLE?

V.V. Petukhov¹

¹*Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

PETUKHOV Vladimir Vasilevich, Cand. Sci. (Philos.), Head of the Center for Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Email: petuhovvv@mail.ru

Petukhov V.V. Democratization of the Russian Society: Is Second Attempt Possible? — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 8-23. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.02>

Acknowledgements. The article was prepared with financial support provided by the Russian Science Foundation (project No. 14-28-00218). The study is based on empirical data of monitoring studies carried out by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2013–2017 (Dynamics of Social Transformation of Modern Russia in Socio-Economic, Political, Socio-Cultural and Ethno-Religious Context), as well as on the data of studies carried out by other sociological centers.

Received: 21.06.2017. Accepted: 12.07.2017

Abstract. The author applies to data of the monitoring sociological studies of the Institute of Sociology (Russian Academy of Sciences) in order to analyze the prospects for democratization of public and political life in Russia and to define presence / absence of the request for such democratization in public life. The author emphasizes that the prospects for democratic evolution of the Russian society is just one possible scenario among other variants of political transformation. This hypothesis is confirmed

from one side by the emerging changes of public attitudes that are associated with actualization of the majority's orientation on stability, as well as with the lack of changes in economic and political life of the state. From the other side this hypothesis is confirmed by the fact of absence of any clear value and institutional attitudes in the mass consciousness of Russian citizens (whereas one can see the skepticism of many citizens about first attempts of democratization of the state that took place in 1990-ies). The author pays special attention to some specific features of the democracy's perception by Russian citizens that are in some cases different from its traditional doctrinal interpretations (it is, for example, the dominance of personalistic discourse over the institutional one) but does not consider that designing of any kind of special Russian model of democracy is possible and appropriate. The article also contains information about the factors that either contribute to democratization of social and political life or obstruct it. The author concludes that democratization of social and political life in Russia, alike the "democratic revolution of 1980-1990-ies" will be a process of changes, prolonged over time. Besides, as it is claimed in the text, this democratization process will be implemented under the pressure of civil society and will be focused on two main aims: firstly, on the formation of the mechanism of translation of diverse individual and group (primarily economic) interests into the language of universal problems, and, secondly, on the expansion of the space for implementation of such interests.

Keywords: democracy; democratization; democratic values; equal opportunity society; political institutions; meritocracy; political participation; civic engagement.

References

- Filatov N.N. The Determining Function of Russian Democracy Critique. — *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2009. Vol. 9. No. 3. P. 113-116. (In Russ.)
- Foa R.S., Mounk Y. The Danger of Deconsolidation. — *Kontrapunkt*. 2017. No. 7. P. 1-11. URL: http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2017/04/foa_mounk_counterpoint7.pdf (accessed 05.08.2017).
- Foa R.S., Mounk Y. The Signs of Deconsolidation. — *Journal of Democracy*. 2017. Vol. 28. No. 1. P. 5-15.
- Kornai Ya. Hungary: a 180-degree Turn. — *Rigas Laiks. Russian edition*. 2015. Autumn season. (In Russ.) URL: <https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/vengriya-razvorot-na-180-gradusov-16674> (accessed 10.08.2017).
- Krasin Yu.A. *Metamorfozy rossiiskoi reformatsii. Politologicheskie syuzhety* [Metamorphoses of the Russian Reformation. Political Stories]. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. 2009. 496 p. (In Russ.)
- Kuvaldin V. Vvedenie: vtoroe prishestvie kapitalizma v Rossiyu [Introduction: the Second Coming of Capitalism in Russia]. — *Russia — 2010. Russian Transformation in the Context of World Development*. Moscow: Logos. 2010. P. 13-24. (In Russ.)
- Pastukhov V. The Revolution of Inequality. Global Social State Will Replace the Right Wave. — *Republic*. 07.02.2017. (In Russ.) URL: <https://republic.ru/posts/79392> (accessed 10.08.2017).
- Petukhov V.V. The Crisis Reality and Prospects of Political Transformation of the Russian Society. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 5. P. 8-24 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.02>
- Petukhov V.V., Petukhov R.V. Participatory Democracy: Institutional Crisis and New Prospects. — *Polis. Political Studies*. 2015. No. 5. P. 25-48 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.04>
- Peng Lu. Podderzhka demokratii sredi pokoleniya perioda perekhoda Kitaya k rynku: issledovanie studentov i vypusnikov elitnykh kitaiskikh universitetov [Support for Democracy Among the Generation of the China's Transition to the Market: a Study of Students and Graduates of Elite Chinese Universities]. — *Rossiya i Kitai: molodezh' XXI veka* [Russia and China: the Youth of the XXI Century]. Moscow: Novyy khronograf. 2014. P. 288-312. (In Russ.)
- “Povestka dnya” sovremennoi Rossii i videnie ee perspektiv vedushchimi ekspertami strany [“Agenda” of Contemporary Russia and a Vision of Its Prospects by Leading Experts of the Country]. — *Russian Society and the Time Challenges*. The 5th book. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves Mir Publishers. 2017. P. 332-360. (In Russ.)
- Przeworski A. *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America (Studies in Rationality and Social Change)*. Cambridge: Cambridge University Press. 1991. 228 p.
- Urbinati N. *Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People*. (Russ ed.: Urbinati N. *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod*. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. 2016. 448 p.)
- Wallerstein I. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Konetis znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka*. Moscow: Logos. 2003. 368 p.)
- Yasin E. *Prizhivetsya li demokratiya v Rossii* [Will Democracy Take Root in Russia]. Moscow: The Liberal Mission Foundation; New Literary Observer. 2012. 864 p. (In Russ.)